

Баба Сима, вы прекрасны!

С.А. Соколова на рабочем месте.

Серафима Александровна Соколова проработала на Ярославском заводе резинотехнических изделий 59 лет. Она ветеран труда. И вообще самый старый работник завода. Как живет ей в новое время?

С.А. Соколова. Фото из книги, выпущенной к 50-летию завода. 1982 г.

Потемкинские истории

— С Серафимой Александровной меня познакомил технический руководитель 1-го цеха Игорь Корольков, — вводит в курс дела председатель совета ветеранов завода Герман Иванович Потемкин.

Сам Герман Иванович проработал на РТИ 55 лет. Четверть века Потемкин отвечал на РТИ за безопасность труда и выдвигал всякое. Сейчас его задача — не дать молодежи забыть старых передовиков производства.

— Когда нас продали, это никому стало не нужно! — Потемкин скорбно обводит рукой свой кабинет, где полно газетных вырезок, старых фотографий и почетных грамот. — Я все это собирал по крупицам!

Слово «продали» относится к 90-м годам — началу 2000-х, когда за неполный десяток лет число рабочих сократилось в 4 раза, с 5600 до 1400 человек, а ветеранов почти вдвое — с 1100 до 630 человек.

Но историю завода Герману Ивановичу удалось спасти. Со стен кабинета председателя внимательно смотрят все старожилы РТИ.

— В марте мы поздравили Александру Андреевну Смирнову, — Герман Иванович демонстрирует весь в розочках поздравительный адрес от генерального директора. — Ей 103 года, слава богу, жива-здоровая, на заводе проработала 28 лет.

35 лет отдала РТИ Герой Социалистического труда, гордость Ярославия Лидия Павловна Смирнова. Есть в кабинете Потемкина и статья о его маме Анне Константиновне, проработавшей на заводе всю трудовую жизнь.

— Мама пришла на резиноасбестовый комбинат в 1932 году и не гнушалась никакой работы, — любовно вспоминает Герман Иванович. — В 1937 году от всесоюзного старосты Михаила Калинина она получила знак «Отличник химической промышленности». Руководство предприятия сразу выделило ей двухкомнатную квартиру на проспекте Ленина. Можете себе такое сейчас представить?

— В январе бабе Симе исполнилось 77 лет, — продолжает Герман Иванович. — На день рожде-

ния руководство выписало ей премию в 5 тысяч рублей...

Мало это или нет? Если Германа Ивановича спросить официально, он ответит: «Ветераны завода благодарны администрации завода за поддержку: за материальную помощь на лечение, посещение больных, на наши мероприятия. Только в 2016 году на это израсходовано 225 тысяч рублей». Именно так он написал нам в газету. А неофициально, по мнению Потемкина, в нашем обществе произошли обидные перемены в отношении рабочего класса.

Один завод — два образа

Официальный сайт представляет ЯЗРТИ как «современное предприятие, поставляющее продукцию для автомобильной промышленности, сельского хозяйства, авиации, флота, медицины, строительного комплекса...» с объемом производства в десятки миллионов рублей в месяц.

Но баба Сима, кажется, работает совсем на другом заводе. Он спрятан на территории ЯШЗ, и мы с Германом Ивановичем долго ковыляем к его проходной мимо брошенных корпусов шинного. Вид разбитых окон действует угнетающе.

Рабочее место Серафимы Соколовой — цех №1 — как из кино про становление советской промышленности. Цех построен в 30-х годах, когда с небольшого подошвенного производства в составе резиноасбестового комбината ЯЗРТИ и начался. До конца первого года работы новое предприятие выпустило 14,5 миллиона подошв и 146 тысяч штук резиновых пластин. Колоссально много! С тех пор цех модернизировался. Прессы для штамповки резиновых изделий, напри-

мер, установлены в 70-х и даже в начале 90-х годов. Но выглядят так, будто «рождены в 30-х». Еще в первом цехе стоит советский автомат с газированной водой. Теперь он раздает воду бесплатно, вместо граненого стакана железная кружка на цепочке. Серафима Александровна работает на участке обработки резиновых изделий. Ее рабочее оснащение — стол, стул и жестяная коробочка с ножницами и ковырялками.

Со всех концов огромного цеха меня внимательно рассматривают: журналист здесь событие.

— Помощник ко мне пришел! — сердечно приветствует Серафима Александровна.

Я сажусь рядом работать обрезчиком. Для начала обрезаем лишнюю резину с детских ласт «Малютка», резиновых прокладок, манжет и изделий, которые баба Сима называет «каблуки» и «шпильки». Обрывки складываем в мешки. Их потом измельчат и снова пустят в обработку. Очищенные изделия отправляем на шлифовальный станок. Со станка они выйдут гладкие и красивые.

На таком вот шлифовальном станке Серафима Александровна проработала 55 лет. Сначала в цехе №5 на улице Чехова возле госпиталя ветеранов войн. В 1998 году цех «стал портить экологию», его закрыли, и баба Сима перешла шлифовальщицей в 1-й цех. А на пенсии стала обрезчицей.

— Тут обрывайте руками... Тут надрежьте ножницами... А вот это вам сложно, сама сделайте! — учит меня баба Сима новой профессии.

В город за паспортом

Родилась Серафима в 1940 году в деревне Дор Пошехон-

ского района. Ее отец, счетовод по профессии, пропал без вести в Великую Отечественную. Сосед рассказывал, как последний раз видел его в бою. Шла атака, у бойцов кончились патроны, все побежали. Сосед направо — в плен, Серафимин отец — налево...

— Даже фотокарточки от него не осталось. Не любил он фотографироваться.

Когда погиб отец, Серафиме было всего полтора. У матери их осталось четверо. Войну пережили двое. Младшая сестренка умерла от болезни, старший брат полез на дерево и упал животом на частокол.

Окончив деревенскую семилетку, Сима удрала в Ярославль.

— Есть было нечего, — объясняет. — Мама за 300 граммов зерна на трудодень день и ночь работала в колхозе. Корову держала, так еще 350 литров в году нужно было бесплатно снести государству. А зерно еще свезти на мельницу и заплатить за помол! Маме уехать было нельзя — паспортов колхозникам не давали.

Впрочем, через год опустели все 80 домов деревни Дор. В Череповце запустили металлургический комбинат, и молодежь рванула туда.

— А какая работа без паспорта? До 16 лет нянчила детей двоюродного брата, пошла в школу рабочей молодежи. Паспорт мне все равно не давали, гнали в деревню. Я тогда прямо в паспортном столе заплакала: «Я же не виновата, что у меня отец с войны не пришел!» Мужчина в паспортном столе и дал паспорт.

Но за место ярославского рабочего деревенской девочке надо было еще побороться. Два года Сима мыла кружки в пивной и продавала газировку в том самом 5-м цехе ЯЗРТИ.

— На заводе мне нравилось. В цехе одна молодежь. Все веселые, дружные. Я хотела здесь работать. И как только 18 мне исполнилось, сразу пошла на шлифовку.

Пятилетка за три года

Обрезать резину с готовых изделий прикольно. Можно рассмотреть, как они устроены. Можно не смотреть и рвать быстро. Чем быстрее, тем больше денег. За месяц реально «нарезать» на 7—8 тысяч рублей. Если работать сверхурочно — на 12—15. Однако через час у меня заломило спину. Смогла бы я так проработать пятилетку? Год? Хотя бы месяц? А Серафима Александровна не устает.

— За 59 лет привыкла. Работать не будешь — тут заболит, там заболит. И работа не монотонная. Детали-то разные: то манжеты, то прокладки.

— А отдохнуть не хочется?

— Не положено!!!

Понимаете, почему баба Сима наглядная агитация для цеха? Да что там для цеха, для всего завода! Ее терпению, трудолю-

бию, добросовестности, нетребовательности большинству из нас еще учиться и учиться. И наград у бабы Симы действительно много: 9 почетных грамот за победу в социалистическом соревновании, фамилия в заводской Книге почета, знаки ударника X и XI пятилеток, знак победителя социалистического соревнования 1973—1979 годов.

Про то соцсоревнование, в котором Серафима Соколова выполнила пятилетний план за 3 года 4 месяца, аккуратно к 60-летию СССР, написано в брошюре к полувековому юбилею ЯЗРТИ. Сейчас она рассказывает о нем просто, как о давно ушедшем.

— Я же коммунистом была. Соревновательный дух у нас был сильный. Тогда мне парторг сказала: «Серафима, давай возьмем обязательство выполнить пятилетку за три года». Я говорю: «Рая, мне же не выполнить!» — «Я посчитала. Выполнишь. И даже перевыполнишь».

— Выполнили?

— А как же!

Между старым и новым

Личная жизнь Серафимы Александровны складывалась как у всех. Муж, сварщик «Гидроспецфундаментстроя», в 43 года отравился «Солнцедаром». Было такое красное вино. Баба Сима сама доростила сына и дочь. За третьего ребенка стал у нее 5-летний внук Валера, его мать, супруга сына, погибла в автокатастрофе. Сейчас Валерке 33, и он точно пошел не в бабушку.

— Учиться не хотел и работать не хочет, — сетует Серафима Александровна. — Устроила сюда, не понравилось. То распространителем газет поработает, то всякой ерундой занимается. Я спрашиваю: «Где работаешь?» — «На шинном». — «Покажи пропуск!» — «Потерял...» Раз не хочет работать, я его от питания отделила.

Что тут скажешь? Что бабушке не хватило сил еще и на воспитание внука? Можно ли переложить всю вину на одну простую женщину, когда теперь так много известно об идеологической войне Запада за российскую молодежь, которую проиграли люди повыше рангом?

Наш разговор, как маятник, качается между старым и новым. Вот раньше ножницы точил точильщик, а когда он умер — сами обрезчицы. Раньше в цехе чистили вентиляцию часто, а теперь редко, отсюда и пожары. Говорим так не потому, что новое только плохо, а старое только хорошо. Просто в СССР у Серафимы Александровны осталось много замечательного. И сама она замечательна. Вот она снимает очки и платочек, чтобы лучше выглядеть на фотографии в газете. Баба Сима, оставьте платочек, вы и так прекрасны!

Елена СОЛОНДАЕВА

Фото автора